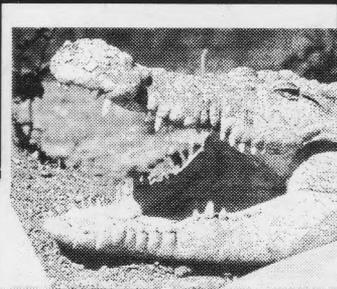
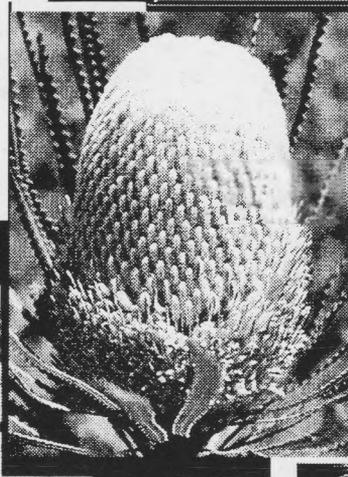
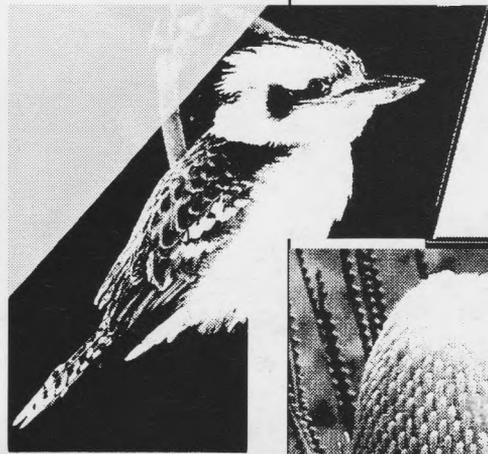

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN
RUSSIAN
LANGUAGE
ALMANAC

ХУДОЖЕСТВЕННО
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

Australian Mosaic

Australian Russian Language Almanac

Австралийская мозаика

**Художественно-познавательный
альманах**

№ 1

2000 год

Редактор и издатель
Татьяна Торлина

Художественное оформление обложки и номера

Светланы Солдатовой

Корректор

Алла Книжникова

e-mail:

tania13@fiberia.com

or

tania13torlina@netscape.net

Елена Говор родилась в Минске. С 1983 года жила в Москве, работала в отделе Австралии и Океании Института востоковедения АН СССР. В 1990 г. приехала в Австралию. Будучи сотрудником Австралийского национального университета, подготовила и защитила докторскую диссертацию на тему «Русское восприятие Австралии в 1788 - 1919 гг.» Сейчас живет и работает в Канберре. Автор нескольких книг и многочисленных статей об истории русско-австралийских связей. С 1994 года регулярно печатается в журнале «Австралиада»(Сидней). Была постоянным автором альманаха «Моя Австралия».Сегодня Елена Говор переносит разговор, начатый в выпусках этого альманаха, на страницы нашего издания и продолжает его.

В новом краю

(Русское восприятие Австралии во второй половине 19 века)

В выпусках “Моей Австралии” мы начали рассказывать о русских путешественниках прошлого века, побывавших в Австралии, и об их впечатлениях об австралийской природе, принципах колонизации и экономике молодых колоний, а также о первых русских консулах в Австралии. Мы продолжаем публикацию глав из книги Елены Говор *Australia in the Russian Mirror, Changing Perceptions (1770-1919)*.

«Средневековый маскарад» и «тюрьма-гостиница»

Во второй половине 19 века социальное и политическое развитие австралийских колоний стало привлекать все большее внимание русской печати. В сознании русских постепенно стал складываться образ Австралии как политической силы в бассейне Тихого океана. Печать обсуждала степень независимости австралийских колоний от Лондона, федеративное движение, состояние обороны колоний. К австралийским подозрениям о неминуемом вторжении русских в Австралию русская печать относилась иронично. Несмотря на то, что во время захода в Австралию русских кораблей в австралийской прессе не раз начиналась антирусская кампания, связанная со страхом шпиономании, а то и русского нападения на “беззащитные” австралийские колонии, русские моряки по-прежнему относились к Австралии с искренней симпатией, новизна впечатлений способствовала тому, что в сознании русских Австралия не превратилась в политического врага. Впрочем, официальную Россию очевидно беспокоил тот неблагоприятный образ России, который распространился среди австралийцев во второй половине 19 века, и русский консул А.Д.Путята делал все возможное, чтобы разрушить этот стереотип.

Казалось бы, русские, приезжавшие в Австралию из страны самодержавия, которая получила свой первый парламент лишь в 1905 году, должны были заинтересоваться опытом австралийской парламентской демократии. Однако, напротив, в их отчетах часто звучит едва скрытая ирония. Александр Линден в 1863 году отзываясь о законодательном совете Виктории как “забавном подражании лондонской палате лордов”, а Эдуарда Циммермана рабское следование австралийских колоний английским традициям просто приводит в недоумение: “Я не мало удивился, увидев, что как [члены верхней палаты], так и председатель предстали в черных длиннополых таларах и напудренных париках, как водится в самой Англии. Решительно, колонисты на новую почву переносят все стародавние, отжившие свой век обычаи, переливая, так сказать, старое вино в новые меха. Этот средневековый маскарад как-то вовсе не шел к молодой развивающейся колонии”.

Со скепсисом и иронией относились русские и к тематике парламентских дискуссий, и к манере поведения парламентариев, и к их отношениям друг с другом. Циммерман отмечал, что “для любителя политических прений откроется мало интересного в здешнем парламенте... Он занимается почти исключительно внутренними, домашними, хозяйственными делами колонии”, решая вопросы, которые в Европе входили бы в компетенцию муниципалитета. Рассказав, например, о горячих дискуссиях в парламенте Южной Австралии по “воробьиному вопросу” (уничтожить или не уничтожить воробьев), и о том, как школьники за небольшую плату разоряют воробьиные гнезда, Циммерман не без сарказма заключает: “Как не позавидовать публике, у которой злоба дня ограничивается подобного рода воробьиными вопросами, и стране, где заботы отцов так дружно сливаются с потехами молодого школьного поколения!”

А.Линден посетил в 1863 году заседание законодательного совета (верхней палаты парламента) Виктории, и по тону его описания чувствуется, что он наблюдал ораторские приемы выступавших, со всеми их намеками, значительными умолчаниями и острыми уколами не без того же чувства присутствия при “маскараде”, как и Циммерман. Знакомый Линдена, мистер Холл, выступавший в парламенте с речью об обороне, после заседания с гордостью объяснил Линдену, что его предложение предоставить подробное обсуждение этого вопроса “иному месту” было сделано им с умыслом, он специально использовал такое неопределенное выражение, и означало оно нижнюю палату парламента. “Но почему старик не употребил настоящего имени, признаться сказать, я не знаю и до сих пор,” - с недоумением заключал Линден. При посещении парламентского бара Линден убедился, что ораторы, хотя и прибегавшие к самым ядовитым и саркастическим выражениям по отношению друг к другу во время прений, становились друзьями за бренди.

Отрицательное отношение русских моряков и путешественников к колониальным парламентам объясняется рядом причин. Во-первых, такая реакция вызывалась “английскостью” и архаизмом парламентских традиций в применении к молодым австралийским колониям. Во-вторых, специфические черты парламентского поведения, высмеянные Линденом, шли вразрез с русским прямотушием, с представлением о честной и прямой игре как об отличительной черте дворянина (по крайней мере в идеале). И, наконец, очевидно, что та форма, в которой осуществлялась идея свободы слова в австралийских парламентах, казалась русским нелепой, да и не была ли сама идея свободы слова в то время неорганичной русскому сознанию? Например Т.Г., русский-инкогнито, живший в Аделаиде, рассказывая в 1871 году о спорах по поводу выбора места для столицы Северной Территории, делает характерный вывод: “Свобода дает право высказывать всем и

Рисунок художника Уильяма Хогарта

каждому свои мнения. Иногда толкуют и спорят о вещах, о которых не имеют ни малейшего понятия, и выигрывает та сторона, которая перекричит другую”. Та же едва скрытая ирония звучит и в отчете капитана “Рынды” Федора Авелана, который в 1888 году присутствовал на министерском обеде в связи с празднованием столетия австралийских колоний: “Обед этот, затянувшийся за полночь, походил более на парламентские дебаты... Тема спичей преимущественно вращалась около идеи соединения или федерации таможенных доходов, причем, конечно, часть была за эту идею, а другая против (курсив мой - Е.Г.).”

Вместе с тем русская печать проявляла все возрастающий интерес к внутривполитической жизни австралийских колоний, особенно их самоуправлению, причем здесь мы не найдем и следа той иронии, которая звучала в очерках русских очевидцев - путешественников и моряков.

Например, русский экономический обозреватель Н.Латкин в 1875 году в очерке о Южной Австралии утверждает: “С учреждением народного представительства, которое всемерно старается о процветании своей родины, дела внутреннего управления и благоустройства, избавленные от опеки метрополии, пошли чрезвычайно успешно. ...Энергия, трудолюбие и свободные общественные учреждения, не стесняемые излишними опеками и путами, столь вредно действующими на народное хозяйство, благосостояние и производительность страны сделали из этой, бывшей полстолетия тому назад пустыни, процветающее государство”. Более того, чувствуется, что опыт колонизации и организации жизни общества в далекой Австралии живо интересует русских уже не как нечто отвлеченное и экзотическое, а как поучительный пример для России. “Любопытно обозрение современного состояния быстро развившихся новоголландских колоний и особенно для нас, русских, которые только что приобрели Приамурский край и должны колонизовать его девственную почву”, - отмечал русский редактор, предваряя перевод большой статьи из "Revue des deux mondes" в 1859 году. Другой анонимный русский автор в 1861 году, рассматривая причины быстрого развития австралийских колоний, основное внимание обращает на процесс демократизации управления ими, на самоуправление и высказывает мнение, что его очерк “может послужить хорошим сравнением с состоянием наших колоний в той же части света”, т.е. на Тихом океане. (Отметим неожиданный факт, что уже тогда современная концепция Азиатско-Тихоокеанского региона как единого политико-экономического пространства не была чужда уму русских.) Автор подчеркивает, что правительством австралийских колоний “руководили не столько свои собственные выгоды, сколько желание улучшить состояние производительного класса народа” и задает риторический вопрос: “Может ли это сказать за себя Российско-американская компания, ...которая, как кажется, до сих пор ничего еще не развила в своих колониях, кроме одного нерасположения к себе, нравственного упадка и крайнего обеднения в туземцах”.

Описывая государственные институты австралийских колоний, русские моряки и путешественники часто прямо или косвенно говорили и о себе – о своей стране, о своей системе ценностей. Интересно проследить это на примере отношения русских к австралийской тюремной системе. Если в первой половине 19 века условия содержания ссыльных в Австралии рассматривались русскими в целом одобрительно, если не сказать восторженно, то во второй половине 19 века ссылка, как мы видели в предыдущем очерке, уже не воспринималась столь однозначно. Но вот условия содержания преступников в тюрьме несут, как кажется, отпечаток былых восторгов. А.Линден в 1863 году и Э.Циммерман в 1881 году посетили Пентриджскую тюрьму в Мельбурне. На обоих из них она произвела самое благоприятное впечатление как учреждение доведенное до совершенства во всех отношениях, целью которого было не только наказание, но и исправление преступников, причем, что казалось русским особенно знаменательным, чувство собственного достоинства заключенных там не ущемлялось. Прежде всего они обратили внимание на условия содержания заключенных. Описывая одиночные камеры, Циммерман подчеркивает: "Все приспособлено так, чтобы заключенному было удобно". Любопытно, что и Линден, и Циммерман отметили наличие в камерах ватерклозета по контрасту с русской парашей, неизменным атрибутом русских тюремных камер. (Знали бы они, что она доживет и до нового тысячелетия!) Линден, человек по натуре отнюдь не восторженный, описывая камеры, заявил: "Все так опрятно и уютно, что, кажется, при других условиях не прочь бы и поселиться в этой келье". Циммерман поинтересовался столом заключенных. "Харчи, надо отдать справедливость, довольно обильные, и многие из преступников едва ли на воле едят так сытно. Белого хлеба в достаточном количестве, потом суп, говядина, печеный картофель". Контраст с Россией, где для большинства населения белый хлеб и мясо были пищей отнюдь не повседневной, напрашивался у читателя сам собой.

Система "разрядов", применявшаяся в Пентриджской и некоторых других тюрьмах, при которой самых тяжких преступников первоначально держали год, а то и больше, в полной изоляции, а затем переводили в более легкие разряды, также вызвала одобрение русских. Впрочем, они, как кажется, замечали только ее достоинства. Одобрят они и то, что заключенные не проводят время в бездеятельности, а заняты различными работами (характерно, что Циммерман описывает их как "легкие").

Русские обратили внимание еще на одну важную особенность австралийской тюрьмы – здесь чувство собственного достоинства заключенных не ущемлялось. "Телесных наказаний в Пентриджской тюрьме вовсе нет", - отмечает Линден. "Здесь преступников перевозят в крытых экипажах, и никогда не приходится видеть проводимых по улицам под конвоем колодников. Горожане избавлены от такого крайне возмутительного зрелища, оскорбительного не только для самих преступников, но более всего для неповинных ни в чем жителей города", - пишет Циммерман, несомненно имея перед мысленным взором скованных цепями русских колодников. И Циммерман и русский житель Аделаиды D., писавший об австралийских тюрьмах в 1871 году, подчеркивают, что заключенные в тюрьмах "все равны и не разбирается бывшее состояние и положение в обществе", это опять же контрастировало с сословным принципом, практиковавшимся в русской пенитенциарной системе.

Посещая тюрьму, Линден не мог не вспомнить о "Записках из мертвого дома" Достоевского, и отзывался о русских тюрьмах как "клубах взаимного развращения", где большая часть арестантов "оканчивала свое нравственное падение". Мало того, Линден, наблюдая поведение суперинтенданта, который проводил его по тюрьме, заметил, что "в его обращении с арестантами был зрело обдуманый такт. Видно, что это человек, задавший себе известную программу действий и преследующий ее с терпением и твердостью, а следовательно человек, которому позволили занять это место не вследствие только желания доставить содержание, а по тщательном удостоверении в личных его достоинствах". В его словах так и слышится скрытый намек на то, что в России подобные места часто служили лишь "кормушкой" для чиновников, озабоченных не исправлением заключенных, а лишь собственным благосостоянием.

Выводы Циммермана были не столь оптимистичны. Он несомненно разделял мнение своего спутника, русского консула Джеймса Деймиона, присутствовавшего вместе с ним при приеме партии новых арестантов: "Иной, пожалуй, и намеренно совершит какое-нибудь преступление, лишь бы попасть в тюрьму, где его принимают и содержат словно в отеле". Узнав же от смотрителя, что некоторые арестанты действительно стараются попасть сюда на зиму, Циммерман сделал неожиданный вывод, что такая "тюрьма не только не исправляет, но служит как бы поводом к повторению преступлений" и, как-то очень по-русски, обрушился с критикой на англичан, которые "похваляются своими тюрьмами" и не желают замечать, что их наличие это "неминуемое последствие из превратного состояния социальных условий". Впрочем, почувствовав, что он требует невозможного, Циммерман сбавил тон и заключил, что все-таки увиденная им тюрьма является "идеальным образцом, вполне достойным подражания".

Однако, во второй половине 19 века русские не были так единодушны в положительной оценке австралийской пенитенциарной системы, как в ранние годы. В 1870 году Вильгельм Линден во время посещения тюрьмы в Хобарте отметил, что тюремные камеры были сырые и не отапливались, и что заключенные использовались для таких тяжелых работ как прокладка дорог и ломка камня. Особенно критичны были София и Константин Витковские при посещении Дарвинской тюрьмы в 1896 году. Константин, по профессии военный судья, очень хотел побывать в австралийской тюрьме. Единственными заключенными в тюрьме были аборигены, "белых в тюрьме не было ни одного, - пишет София, - да я думаю, что их вообще никогда не сажают здесь в тюрьму, либо по их малочисленности, либо для поддержания их достоинства среди темнокожих". Если ее суждение и можно отнести к разряду чересчур категоричных, то общий дух отношений между европейцами и аборигенами она уловила вполне верно. Особенно тяжелое впечатление на Витковских произвела сцена, увиденная ими на голом дворе тюрьмы среди раскаленных от жары стен. Под палящими лучами солнца аборигены, закованные в ножные кандалы и цепи, обливаясь потом, распиливали на дрова ствол дерева. "Я невольно опустила глаза, так тяжело было смотреть на несчастных", - вспоминает Витковская. Константин, "пораженный бессмысленностью арестантской работы", спросил у сопровождавшего их губернатора Дж.Дэшвуда, обучают ли арестантов каким-либо ремеслам, как в Европе и России. Оказалось, что нет - из-за опасения понизить ценность рабочих рук европейцев. Конечно, увиденную Витковскими ситуацию нельзя считать типичной для австралийских тюрем в целом, дело было в том, что в данной тюрьме содержались именно аборигены.

Русские положительно оценивали и такой государственный институт как австралийская полиция. "Полиция колонии Виктории пользуется всеобщим и честно заслуженным уважением", -

отмечал Павел Муханов в 1863 году и противопоставлял "совершенную безопасность" австралийских золотых приисков "ежедневным кровавым драмам" калифорнийских. Циммерман в 1881 году делится первыми впечатлениями от Аделаиды: хотя на улице полиция "и не видать, но она на самом деле везде поспевает". Конечно, такая картина была непривычна глазу путешественника из России, где полицейский был доминантой городской улицы. А вот использование полицией в своей работе платных доносов вызвало резкую критику Циммермана. Особенно возмутило его вывешенное в одной из уличных "ретирад" (туалетов) объявление за подписью члена городской управы о награде в двадцать шиллингов за сообщение о ненадлежащем поведении посетителей. По его мнению такого рода платные доносы "служат явным признаком крайней нравственной испорченности и грубости ... населения". Не намекал ли он на сходные нравы тайной полиции, царившие на его родине?

Интересовали русских моряков и путешественников и хорошие условия жизни рабочих в австралийских колониях. В. Линден первым обратил на это внимание в 1870 году. По мнению Линдена, на Тасмании, несмотря на то, что экономика ее находилась в застое, рабочий зарабатывал втрое больше, чем в Англии, а предметов роскоши, к которым он относил чай, сахар, мясо, потреблял вдвое больше своего английского собрата. Федор Тимофеевский в 1882 году обнаружил, что вследствие высокой зарплаты "рабочий люд чужд каких бы то ни было стачек и неудовольствий". Он обратил внимание на "спокойные и веселые лица" обитателей рабочих кварталов. Взгляды Циммермана были более сложными. Он тоже отмечал, что "в Австралии рабочий люд привык жить лучше, комфортабельнее", что проявляется и в жилище, и в одежде, и в питании, причем рабочие могут делать большие сбережения, чем в Англии. Рассказывая русским читателям о праве рудокопов на 8-часовой рабочий день, он восхищался тем, что условия для культурного отдыха рабочих существуют даже в молодых горнорудных районах. "Рабочий класс в Европе поистине может позавидовать здешним рудокопам", - заключал он. И вместе с тем он, по-видимому, был склонен объяснять существующую ситуацию лишь благоприятным стечением обстоятельств, не меняющим сути – кабальной зависимости рабочих от работодателей. С глубоким пессимизмом он писал: "Существующая система труда в Австралии чисто антидемократическая, как и в самой Англии. Здесь труд находится в полной зависимости от капиталов, сосредоточенных в руках единичных личностей". Он противопоставлял такой системе американскую с ее профсоюзной борьбой, кооперативами или участием рабочих в прибылях.

Русская печать "открыла" Австралию как своеобразную социальную лабораторию несколько позже, в 1890-е годы. За короткий период на русский язык были переведены работы английских экономистов и социологов С. Вебба и Х. Кокса, австралийского политика Генри Паркса, французского публициста Пьера Леруа-Болье, немецкого экономиста Шульце-Геверница, французского путешественника Леона Поля Блуэ (писавшего под псевдонимом Макс О'Релль) и американского писателя Марка Твена. Вскоре на темы социально-политической жизни австралийских колоний, о рабочем и женском движении в Австралии стали писать и сами русские – социолог и экономист И. Озеров, журналист С. Н. Южаков, журналист и литературовед И. В. Шкловский (писавший под псевдонимом Дионео), деятельница женского движения Л. Давыдова. Заключение русских авторов, полное энтузиазма, были подчас даже смелее, чем переводимые ими западные источники. Так, русский переводчик Леруа-Болье осторожному замечанию француза о том, что "австралийские законодатели своими чересчур смелыми нововведениями подвергают риску будущность и благосостояние страны", противопоставил свое мнение: "Нам кажется, что и в данном случае, и во всех других юная Австралия показывает путь к прогрессу другим странам". Лев Толстой, который неоднократно упоминал Австралию в своих работах и по свидетельству его близких очень интересовался этой страной, писал австралийскому социалисту С. А. Роза в 1895 году: "Ваша страна находится в самых выгодных условиях для того, чтобы установить свободный от грехов старого мира истинно христианский и братский порядок жизни". Интересно предвидение и русского журналиста Дионео, который еще в 1900 году заявил: "В Австралии есть место для многих. Это – колонии будущего, быть может преемники не одной культуры, которая зальется лавой во время взрыва изживших обществ". Именно таким местом стала Австралия для народов, потрясенных второй мировой войной и последующими локальными войнами...

"...и неизбежный институт механиков"

Русские рассматривали доступ широких слоев населения к образованию и к культурному досугу как свидетельство высокого уровня жизни и демократического социального строя австралийских колоний. Почти в каждой русской публикации об Австралии звучит тема содействия

правительства образованию широких масс населения. "Нет страны в мире, где для народного образования было бы сделано столько, сколько сделано в Австралии", - отмечал декабрист Дмитрий Завалишин в 1870 году. Муханов в 1863 году подчеркивал, что число школьников "разделяется почти пополам между мальчиками и девочками", а в воскресных школах девочек даже больше, чем мальчиков. Циммерман, сам бывший учитель, с симпатией писал о полном разделении школы и церкви, о массовости народного образования, утверждая, что "общий уровень народного образования в колониях чуть ли не выше, нежели в метрополии". Вместе с тем использование в школах "устарелых английских способов преподавания, отличающихся вообще тугим формализмом" вызывает его безусловное осуждение. Его визит в высшую школу Хобарта особенно убедил его в этом утверждении. Ее запущенный интерьер, низкий уровень преподавания и особенно насаждение латинского языка (выговариваемого и учителем и учениками, к недоумению Циммермана, чисто на английский манер) с тем, чтобы выпускники могли поступить в английские университеты, привело его к заключению, что "в молодой стране и не вырабатывается никакой самостоятельной системы образования и в здешних школах продолжают рабски идти по давно отжившей рутине английского, так называемого, классического преподавания".

С тех же позиций оценивали русские и университетское образование. А. Линден не без иронии замечает в 1863 году, что студенты юного Мельбурнского университета "успели уже, в подражание английским огузианам, нарядиться в рясы и четырехугольные шляпы". Циммерман также осуждает следование английским образцам в университетском преподавании, и даже Витковская, осмотревшая Мельбурнский университет лишь снаружи, осуждает все ту же английскость: "Здание университета построено в старинном вкусе, с явным желанием подражать английским колледжам". Впрочем, в популярной литературе, критике подвергался западный меркантилизм в образовании в целом: "В отношении научного образования Австралия стоит невысоко, что объясняется чисто коммерческим направлением страны, жители которой прежде всего и более всего стремятся к наживе. Наиболее же верным средством к удовлетворению алчных потребностей населения служит скотоводство и особенно овцеводство. Вот почему ... большинство молодежи ограничивается лишь элементарным образованием, находя его вполне достаточным для ведения своих дел". (Так и кажется, что это написано не в далеком 1886 году, а записным советским пропагандистом!). Но вот Миклухо-Маклай заметил совсем другое – особое уважение к науке в австралийских колониях: "Несмотря на то, что в австралийских колониях не существует почти науки, на ученых смотрят с большим уважением. Слова «с научной целью» преодолевают все препятствия".

Русские обратили внимание на еще одну особенность культурной жизни австралийских колоний – общедоступность книги и культуры для всех слоев общества, большую роль книги и печати в жизни колонистов. Циммерман отмечал, что многочисленные газеты составляют "в этой стране насущную потребность всякого, начиная от банкира и до последнего поленщика". Судовой врач Карл Тимрот еще в 1863 году обнаружил, что "для образования взрослых во многих местах колонии [Виктории] существуют по вечерам, в свободное для рабочего человека время, публичные лекции". Циммерман же первый познакомил русского читателя с той ролью, которую играли в австралийской провинции институты механиков. Он не только называет их "неизбежной" принадлежностью всякого австралийского городка или поселка "как бы молод и мал он ни был", но и подчеркивает, что по вечерам их наполняет именно "рабочий люд", который приходит сюда для чтения "газет и разных популярных изданий". Изобилие литературы, приспособленной для народного чтения и многочисленной читающей публики, он заметил и в Мельбурне, в своеобразном книжном магазине-читальне Book Arcade, и в Публичной библиотеке. Характерно, что эта положительная черта австралийской жизни противопоставляется им английскому стилю жизни: "Подобные открытые для всех классов общества библиотеки производят здесь приятное впечатление, тем более, что англичане у себя дома пристрастны скорее к замкнутой, обособленной жизни, особенно привилегированные классы".

Критическое отношение русских к некоторым аспектам австралийской культуры имело вполне определенные причины. Насмешки Витковской над тем, что она увидела в Мельбурнской картинной галерее – "лишь немногие из статуй и бюстов выходят за пределы посредственности; первые повторяют классические темы в лице неуклюжих Венер и Диан, а вторые представляют изваяния Высоких Особ; Королева Виктория в молодости и других возрастах играет здесь главную роль" – прекратились, когда в Национальной галерее в Сиднее она наконец-то увидела живопись самих австралийских художников. Она с симпатией пишет о том, что они "большие патриоты" – в их творчестве преобладали почти исключительно местные виды: сиднейские бухты, сцены стрижки овец, Синие горы. Она отмечает у них склонность к импрессионизму и выделяет любимую технику – акварель. Однако в целом у нее сложилось мнение, что австралийское искусство делает только первые шаги, а в картинных галереях преобладают полотна иностранных художников, в том

числе Витковская отмечает несколько русских имен. Посещение еще нескольких музеев Мельбурна создало у Витковской впечатление, "будто молодой город ... хотел сказать: «и у нас, мол, как у людей»".

Неудивительно, что в воспоминаниях русских, и особенно моряков, большое внимание уделяется развлечениям по-австралийски, и в частности театру и опере. Но оценивая их, русские не без оснований ведут себя как привередливые европейцы, свысока глядя на провинциальные пристрастия и восторги австралийцев. А.Линден отмечает, что большинство мельбурнской публики "не отличается изяществом вкуса и предпочитает легкие пьесы и фарсы серьезным драматическим произведениям". В.Линден, побывав в 1870 году на представлении местной итальянской оперы в Сиднее, замечает, что сиднейцы "просто были в восторге", хотя примадонна и тенор "не годились бы даже для вторых амплуа в Петербурге". На Витковскую глубокое впечатление произвел органнй концерт бельгийского органиста Виганда в зале Городской думы в Сиднее. Но если у нее "дивные, нежные" voix célestes вызвали "трепет восторга" и "невольные слезы", то публика, к ее недоумению, выражала свои эмоции очень своеобразно: "хлопали мало, больше стучали, и стучали с ожесточением палками и зонтиками". Другой концерт в Думе вызвал у Витковских полное разочарование: "Концертанты «всемирно-известные», судя по афише, ... обладали небольшими голосами и пели только посредственно... Положительно странным казалось, что в таком городе, как Сидней, нет хорошего оркестра". Константин, сам прекрасный виолончелист, то ли в шутку, то ли всерьез пожалел, "что у него нет с собою виолончели, иначе он бы тотчас дал концерт, чтобы показать здесь, как надо играть". Кстати, русские моряки с чувством законной гордости отмечали, какие толпы народа собирали выступления на берегу русских корабельных оркестров, исполнительское мастерство которых, по австралийским стандартам, было очень высоко.

Пожалуй, только восходящая звезда мельбурнской сцены, певица Нелли Стюарт, безоговорочно покорила сердца русских моряков. По свидетельству Тимофеевского, моряки русской эскадры в 1882 году по несколько раз ходили слушать оперу "Оливетта" с Нелли Стюарт в главной роли. И в конце концов они удостоились визита "прелестной Нелли" на их корабль. В 1888 году, во время визита "Рынды", моряки снова были очарованы певицей. В архиве Великого князя Александра Михайловича, мичмана "Рынды, сохранилось его письмо родителям: "Посылаю вырезку из мельбурнской газеты про меня, что будто бы я влюбился по уши в актрису Нелли Стюарт. Очень ошиблись, это не я, а Путятин, но все-таки забавно". Князь Михаил Сергеевич Путятин первый раз увидел Нелли в Мельбурне в 1882 году. Теперь, шесть лет спустя, когда он пришел в Мельбурн на "Рынде", любовь, по-видимому, была взаимной. В своих воспоминаниях Нелли писала о нем: "Русский принц, - да, *настоящий* принц – как он добивался моей руки у моей матери! Но я не могла, Дик был жив и развода не было. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я вышла замуж за принца и уехала в Россию. Я слышала, что позже он был убит на войне. Он так никогда и не женился".

Но мы ушли слишком далеко от первоначальной темы. Подводя итоги, надо сказать, что в сфере образования и культуры русских прежде всего привлекали демократические черты австралийской системы образования, поддержка властями не только науки, но и просвещения для широких масс. В этом отношении молодые австралийские колонии отличались не только от России с ее сословным образованием и низким уровнем грамотности, но и от самой Англии. А вот единодушную критическую оценку у русских вызывало то, что они считали слепым подражанием устаревшей английской системе образования. Ну и, конечно, они не могли не замечать провинциализма австралийского общества в сфере исполнительного и изобразительного искусства – в одной из немногих сфер, где русские чувствовали свое несомненное превосходство